

СВЕТ НАД ЗЕМЛЕЙ

Главы из нового романа

Мимо станиц и хуторов, как поезда мимо станций и полустанков, неудержимо катилась река, и только вблизи Усть-Невинской бег ее несколько замедлялся. Вольная и непокорная, она бросалась на плотину, лизала волной цемент, искала хоть малую щель, злилась, пенилась и, обессилев, отступала. И только в одном месте, у поднятой лебедки головного шлюза она находила отверстие и, радуясь этому, упругим потоком падала на каменный настил и уже спокойно текла по каналу к домику, стоявшему под кручей.

Домик под кручей всем своим видом, а особенно высокими белыми стенами, цинковой крышей, так и горевшей на солнце, широкими окнами напоминал довольно-таки уютную дачу; и если бы не убежали от него в степь столбы, отсвечивая блеском проводов, да не вздрагивали мелко-мелко стекла окон и не взлетали вспененные брызги у его основания, то ни за что нельзя было бы и подумать, что внутри его день и ночь вращается мощная турбина.

Еще в первые дни, когда Семен Гончаренко только принял станцию, ему тоже казалось, будто домик под цинковой крышей и в самом деле был какой-то особенный, и поставлен он у реки лишь затем, чтобы люди, проезжая по тракту, любовались его красивым видом. Теперь же Семен очень мало обращал внимания на то, как выглядит домик, — для него он был не просто красивый домик, а гидротехническое сооружение, которое требует и постоянного ухода и неустанных забот. Много хлопот вызвали потребители энергии. Пока что электричество проникло только в станичные хаты, вечером и ночью всюду пылали зарева, а в середине дня, когда люди находились в поле, турбина вращалась почти вхолостую — это и причиняло Семену немало горя. «Что ж это у нас получается? — размышлял он. — Строили, трудились, машины покупали, а теперь этими машинами делать нечего...» Он ездил в Роценскую, разговаривал с Сергеем, просил заслушать его отчет на исполкоме. «Не волнуйся, мой боевой друг, — успокаивал его Сергей. — Не все делается сразу.

Погоди, вот скоро начнем молотьбу, — тогда тебе жарко будет».

— Сережа, какая же молотьба, когда никто же не ставит столбы.

— Поставим.

— Да хотя бы проложить линии в мастерские МТС.

— Проложим. Все будет сделано, но не в один день!

Уехал Семен еще больше расстроенным. Дни шли, и станция попрежнему работала на половинную мощь. «Только зря бьем машины», — думал Семен. И однажды, окончательно обозлившись, он с восходом солнца пустил воду на сброс и остановил турбину. Не успел Семен войти в свою конторку, маленькую, с одним окном комнатку, как зазвонил телефон. «Алло! Алло! — нищал в трубку нежный девичий голос. — Это дирекция ГЭС? Кто у телефона? Товарищ Гончаренко будете говорить с Родниковской...»

И вот Семен уже слышит голос Никиты Никитыча Андриянова: «Эй, Семен Афанасьевич, дружище! Ты чего там остановился? Или тебе воды мало? Не может того быть! Или ты только нашу станицу отключил? Это же безобразие! Почему безобразие? Да как же так, ты же наших хозяек обидел. У них же зараз сковородки шкварчали и там разное другое на плитках... Да ты ж меня никак не можешь понять! Я же как предстансовета не могу краснеть перед местным населением! А ты меня на это вынуждаешь... Да что ж я скажу женщинам? Они уже заявили до меня... Эх, беда с тобой! Буду звонить Сергею Тимофеевичу...»

Следом за Андрияновым звонил Хворостянкин: «Эй, дорогой товарищ начальник! — услышал Семен знакомый бас. — Ты чего не светишь? Да ты ж своим самовольством

меня совсем из колеи выбил! Из какой? А из такой, что у меня вся связь на электричестве держится, а теперь я как без рук! Мне нужно вызвать завхоза, а ни один звонок не действует — все оглохло! Да не я оглох, а звонки из кабинета выключились!.. Зажигай свет, богом тебя прошу...»

Семен тяжело вздохнул и положил трубку. Телефон звенел, надрывался, но Семен уже не брал трубку. Ему было грустно, и он пошел в машинное отделение. А в середине дня приехал Сергей.

— Семен! Почему стоишь? — строго спросил он, входя в машинное отделение. — Поломка?

— С горя да со злости остановил, — спокойно отвечал Семен. — Так работать нет никакого расчета. Это же, Сережа, не работа, а горе!

— Не самовольничай, Семен. — Сергей грустно усмехнулся. — На фронте, помню, ты не злился, не огорчался и был настоящим моим другом.

— Сережа, а ты на Семена не кричи, — вмешалась в разговор подошедшая Ирина. — Семен и есть твой друг.

— Защищай своего начальника, а то он, бедняжка, сам себя не сможет защитить. — Сергей подошел к Семену. — Вот что, Семен. Не для того мы строили станцию, чтобы она у нас стояла... Иди и подымай лебедку.

Семен молча подымался по лестнице на шлюз, мысленно ругая себя за то, что не послушался жены и согласился стать начальником гидростанции. В эту минуту его охватило неприятное, даже горькое чувство, было обидно, что из-за какой-то гидростанции приходится ссориться, и с кем? С Сергеем, с которым он прошел войну, жил в одном танке, а когда приехал на Кубань, то женился на его сестре и стал уже не просто другом, а родичем. Он остановился у барьера лебедки и задумался. Почему-то вспомнилась Анфиса — только вчера привез ее из родильного дома. Он смотрел на тихо кружившуюся под ногами воду, а видел Анфису, ее усталое, но ласковое лицо, виноватую улыбку на сухих искусанных губах, ее глаза — добрые и приветливые; видел в ее руках аккуратно свернутое одеяло, а в этом свертке крохотное личико ребенка с пушком на щечках. Тогда и Сергей был обрадован, пожалуй, не меньше, чем Семен. Он приехал в родильный дом с Ириной, привез Анфисе цветы, черешен в кульке, шутил, смеялся, брал на руки племянницу. «Ну, Семен, радуйся послевоенной победе! Вся в тебя, — говорил он. — Да ты погляди на ее бровки! Белесые и совсем незаметные — точь-в-точь как у тебя! Нет, нет, это не наша порода!» Сам предложил отпраздновать крестины, обещал привезти хорошего вина и баяниста, а когда прощался, то наказывал Ванюше шоферу как можно осторожнее везти Анфису в Усть-Невинскую... «А теперь обиделся, — с горечью думал Семен. — Поссорились... А из-за чего? Усть-Невинская ГЭС... Теперь, чего доброго, он и не приедет на гулянье...»

— Подымай, подымай! Чего опечалился!

Сергей стоял рядом, и на его смуглом, чисто выбритом лице как-то уж очень отчетливо выделялись густые и широкие брови. Семен резко повернул колесо, звякнули цепи, и вода с сердитым ворчанием хлынула в ненасытную горловину трубы. В окно было видно, как темным диском рассекал воздух маховик, и у Ирины над головой вспыхнула контрольная лампочка. Сергей и Семен молчали и еще долго смотрели вниз, точно прислушиваясь к тягучему шуму падающей воды.

— Сережа, — заговорил Семен, — приедешь же на крестины?

— А как же! — Сергей с добродушной хитринкой посмотрел на друга. — Ты думаешь, я уже и забыл? Нет, нет, такое не забудешь! У меня все готово... А как здоровье Анфисы?

— Она молодец!

— А дочка?

— Очень славная, а только спать не дает.

— Привыкай, — нарочито серьезно сказал Сергей. — Отцом, Семен, быть нелегко, пожалуй, труднее, чем радистом-пулеметчиком.

— Я бы этого не сказал... Сережа, да тебе тоже, как я думаю, придется быть папашей... и даже в скором времени.

— Семен, друже мой! — Сергей обнял Семена за плечи и сильно прижал. — Обо мне ты не печалься — я все смогу...

Они разговаривали весело и беззаботно, и горе отлегло у Семена от сердца.

* * *

В субботний день в доме Тутариновых готовились к встрече гостей. Во дворе собрались соседки — одни помогали Ниловне управляться у печки, другие разговаривали с молодой матерью, расспрашивали ее с чисто женским участием и с таким любопытством, точно Анфиса побывала не в родильном доме, а на каком-нибудь необитаемом острове. Особенно падкие до расспросов были подруги Анфисы; они поглядывали на свою ровесницу и ласково, и с затаенной завистью, и с той гордой улыбкой на лицах, которая говорила: ничего, ничего, ты, Анфиса, не очень гордись собой, — мы тоже и побываем в этом доме, и все это увидим и испытаем.

К тому времени виновница этих разговоров, спавшая в зыбке, подвешенной к потолку, была уже наречена Василисой — именем бабушки, и это имя, за последние годы так редко встречающееся в станице, понравилось не только молодым отцу и матери, но и родичам и даже соседям. Все радовались тому, что на свет появилась не какая-нибудь Клава, Лера или Людмила, а Васютка. Особенно же это имя пришлось по сердцу Василисе Ниловне. Старуха почти ни на минуту не отходила от внучки, и тем, кто наклонялся чад занавеской, желая хоть одним глазом взглянуть на новорожденную, Ниловна говорила своим тихим голосом:

— А глаз у тебя не сглазливый?

Затем строго и пристально смотрела гостью в глаза, как бы что-то в них читая.

— Поплюй на землю, а тогда и смотри, — говорила она и тут же счастливым голосом добавляла: — Такую славную внучку дождалась — вся в меня... И такая ж тихая.

— Не зря же ей и ваше имя дали.

— То Семен так пожелал, а я не стала противиться, — говорила Ниловна, не в силах сдержать улыбку на своем маленьком и морщинистом лице. — А она и взаправду — дюже на меня скидается...

И хотя трудно было заметить хоть каплю сходства, но гости не смели огорчать старуху, и все, видя сонное личико девочки, приходили к тому, что ребенок и в самом деле — вылитая копия Василисы Ниловны.

Один лишь Алексей Артамашов огорчил Ниловну, да и то совсем случайно. Приглашенный Семеном, он пришел под вечер, немного уж выпивши, — распевая песню, неся в кошолке четверть с вином. Все такой же стройный, живой в движениях, с молодежато поднятой головой, — он снял кубанку и поздоровался.

— Ну, как, Алексей, в твоём звене с урожаем? — осведомился Тимофей Ильич, любезно протягивая гостью руку. — На медаль целишься, или еще и повыше?

— На медаль, только на золотую, на которой изображен серп и молот, — уверенно заявил Артамашов. — Должен же я победить Рагулина... А как же! Не я буду Артамашовым, ежели не возвышусь до Героя!

— Да ты хвастать мастак.

— Э! Папаша, папаша! — Артамашов сокрушенно покачал головой. — Плохо вы знаете мой характер. — Он стройным шагом направился в хату. — А где тут царствует преподобная Василиса Семеновна?

— И ты сюда? — удивилась Ниловна. — Тебе не позволю. У тебя глаза, как у коршуна — тебе нельзя на младенца глядеть.

Артамашов стал уговаривать, божился, и говорил, что глаза у него добрые, и Ниловна разрешила ему взглянуть в узкую щелочку.

— Добрая гражданочка на свет народилась, — сказал он, — и имя ей дали хорошее... Очень значительное имя... Теперь вам, Василиса Ниловна, можно и к господу богу собираться.

— Сатанюка, бесстыжая твоя морда, — разгневалась Ниловна. — Это ты чего меня к святым отправляешь. Мне зараз только и жить...

— И живите, бог с вами, — смущенно проговорил Артамашов. — Это я к тому, что зараз у вас, можно сказать, имеется заместительница. Была старая Василиса; а теперь явилась новая Василиса — молодое нарождается, а старое уступает дорогу — закон!

— Я тебе такой закон покажу, — и Ниловна погрозила своим сухим кулачком. — Иди из хаты, законник!

Пришла и Марфа Игнатьевна, женщина немолодая, но еще высоко державшая свою седую и гордую голову. С тех пор как ее дочь Ирина вышла замуж за Сергея, Марфа Игнатьевна часто навещала сватов и считалась своей в доме Тутариновых. Поэтому она подошла к Анфисе, как к родственнице, справилась о ее здоровье, а когда целовала в щеку, шепнула на ухо так, как могут это делать только пожившие и много испытывшие женщины: «Груды не болят? Молоко не затвердело? Ну, и слава богу...» Затем она вошла в хату и с Ниловной тоже расцеловалась.

— Сваха, отчего ты меня никогда не поцелуешь? — в шутку спросил Тимофей Ильич, поглаживая желтые от дыма усы.

— У тебя, сват, усы чересчур колючие — уколют, — в тон ему ответила Марфа Игнатьевна.

Затем она, как опытная мать, взглянула на новорожденную и сказала:

— Свеженькая, и волосики серебрятся... У меня Ирина верите, когда только родилась, тоже была белявенькая а потом чегось почернела.

Ниловна кивала в знак согласия головой. После этого свахи сели на лавку и разговорились — недостатка в темах для разговора у них никогда не было.

— Свашенька, — сказала Марфа Игнатьевна — я же вам новость принесла,

— Какую? — и Ниловна насторожилась.

— Позавчера я была у Сережки... Скучно мне одной на птичнике, вот и не стерпела и пошла навестить.

— Ну, как там они живут? — робко спросила Ниловна — По-нашему или по-городскому?

— Живут, конечно, полюбовно, славно живут. Сережка собой веселый, а Ирина возле него, как все одно голубка — Марфа Игнатьевна вытерла платочком губы. — Теперь им квартиру дали новую, казенную. Есть и садок, и палисадник, небольшой дворик. Водопровод у самого порога.

Ниловна не выказывала особой радости, услышав от свахи и о новой казенной квартире, и о садочке, и о водопроводе у самого порога; очевидно, старуху беспокоили другие мысли и она наклонившись к Марфе Игнатьевне, тихонько спросила:

— Сваха, а ты не заметила, спать они ложатся вместе или врозь?

— Все видела, — Марфа Игнатьевна еще раз вытерла платком губы. — Есть у них такая спальня, сказать комната общая, а кровать у каждого своя, — стоят они рядышком.

— Это почему ж так? — с обидой в голосе спросила Ниловна. — Или стеснительно спать вдвоем на одной кровати?

— Бог же их знает, не допытывалась.

Ниловна наклонилась к свахе и совсем шопотом спросила:

— А с женским как у дочки — хвалилась матери?

— Очень она стеснительная, но матери создалась... Уже второй месяц пошел...

В это время у Марфы Игнатьевны в глазах показались счастливые искорки, и она зашептала свахе на ухо что-то такое важное, радостное и значительное, отчего обе они заулыбались, а Ниловна облегченно вздохнула и даже перекрестилась.

— Ну, и слава богу, — сказала она своим тихим и приятным голосом. — Теперь бы еще дожждаться сережкиных наследников...

— Дождетесь, об этом и печалиться нечего, — уверенно сказала Марфа Игнатьевна.

— Я и Сережке говорила...

Тут беседа приняла живой и совсем уже таинственный характер и затянулась. И покамест Марфа Игнатьевна поведала Ниловне о том, что и как она говорила Сергею и Ирине, пока мест свахи вволю наговорились, гости тем временем все прибывали и прибывали.

Тимофей Ильич, исполняя обязанности гостеприимного хозяина, стоял у ворот. Он уже встретил Савву Остроухова, приехавшего на стансоветской тачанке с женой и с детьми. «Всем своим колхозом еду!» — весело сказал он, здороваясь с Тимофеем Ильичем. «Славные у тебя мальчуганы», — говорил Тимофей Ильич, провожая гостя во двор. Затем явился Никита Мальцев со своей Варей, и тут все заметили, что жена председателя колхоза наглядно пополнела: «Скоро и у Мальцевых будут крестины», — сказала какая-то женщина. О самом Никите было сказано, что с тех пор, как он принял председательскую должность, внешне он изменился — одни говорили, — что постарел, другие — возмужал...

Вслед за Мальцевым пришел Стефан Петрович Рагулин со своей Никитичной. Старик был одет в праздничный костюм, в петлице которого навечно были приколоты орден Ленина и медаль «Серп и Молот». Поздоровавшись с Тимофеем Ильичем, Стефан Петрович передал хозяину какой-то сверток — подарок новорожденной. «Поглядите, Стефан Петрович расщедрился!» — сказал Артамашов, нарочно так громко, чтобы услышал Рагулин.

— А я скупой только на колхозное, — сказал Рагулин, даже не взглянув на Артамашова.

— А подарок Анфисе от себя... Вот!

— Стефан Петрович, чего ж вы пешком? — спросил Мальцев. — Где же ваша москвичка-легковичка?

— Она у меня дюже быстроходная, — улыбаясь в бороду, сказал Рагулин. — Бегает, как скаковая лошадь.

Его окружили и стали расспрашивать о машине. Стефан Петрович несколько дней тому назад получил в подарок от министра сельского хозяйства легковую машину «Москвич», и это было немалым событием в Усть-Невинской.

Вскоре во дворе появились старики Семеновы — Прасковья Ивановна и Евсей Афанасьевич, те самые старики, которым после ливня Семён исправил погребок. Приходили ещё гости, и читатель может сказать: а где усть-невинский электрик — Прохор Афанасьевич Ненашев? Почему же он не идёт? Разве может без него обойтись такое значительное событие? О Прохоре Ненашеве мы умолчали потому, что он недавно был здесь — ещё с утра, как главный станичный электрик, он устраивал электропроводку в сад, где уже были расставлены столы. Старик был молчалив, весь погрузившись в дело, и только один раз, когда Семён принёс ему в сад стакан вина и кусок колбасы, сказал: «Семён Афанасьевич, всю эту зелень люминирую — пусть дитё знает, в какую пору оно появилось на божий свет». Затем выпил, закусил и снова принялся за работу.

Позже всех и совсем неожиданным гостем — его никто не приглашал — заявился Лев Ильич Рубцов-Емницкий на своём до крайности потрепанном, но удивительно живучем газике. Сойдя с машины и желая показать, что приехал никто другой, а руководитель райпотребсоюза, Рубцов-Емницкий достал из машины отрез шелка, какие-то кульки, очевидно, с конфетами, соску погремушки из цветного целлулоида, и все это с необычным торжественным видом преподнес смутившейся и покрасневшей Анфисе.

Тем временем солнце клонилось к закату, пора бы начинать гулянье, а Сергей с Ириной не приезжали. Семен волновался и не находил себе места. Тимофей Ильич,

заметно опечаленный, несколько раз выходил на улицу, смотрел в ту сторону, откуда должен был появиться сын, а его все не было и не было.

* * *

Сергей собирался ехать к родным с Ириной, но как раз случилось так, что в этот вечер Ирина дежурила на электростанции и подменить ее было некому. Планы у Сергея расстроились. Ехать на крестины одному не хотелось, и Сергей решил пригласить Кондратьева, а потому и задержался еще в Роценской. Долго пришлось ждать Кондратьева — он вернулся домой только во второй половине дня. Ехать с Сергеем отказался, сославшись на занятость неотложными делами, но просидели они вдвоем часа три. Кондратьев рассказывал о поездке в «Красный кавалерист», о Татьяне Нецветовой, о предстоящем совещании актива. После этого он попросил Сергея повстречаться в Усть-Невинской с Виктором Грачевым и предложить ему остаться в районе.

— Без инженера-электрика нам теперь не обойтись, — говорил Кондратьев. — Обещай ему хорошие условия, квартиру, словом, скажи, что жить ему у нас будет хорошо.

— Я уже с ним имел беседу на эту тему, — и разговаривать не желает.

— Значит, плохо беседовал. — Кондратьев потрогал пальцем седой висок, как бы силясь что-то вспомнить. — Пойми, Сергей, что нам потребуются и мелиораторы, и лесоводы, и архитекторы, и инженеры, — без специалистов, людей образованных, нам трудно будет осуществить намеченные планы... А особенно нужен нам такой человек, как Виктор Грачев...

— Я понимаю, — сказал Сергей, усмехаясь. — Но не придумаю, как его задержать.

— Поговори по душам — он же твой друг детства, к тому же и вырос в Усть-Невинской. Кубанец!

— Поговорю, — сказал Сергей, собираясь уходить, — но беда, что кубанцы бывают разные.

По этой причине Сергей не стал заезжать к отцу, где его давно поджидали собравшиеся гости, а завернул на край станицы и остановился у домика вдовы Грачихи. Виктора он застал под яблоней, лежащим на раскинутой бурке, в одних трусах и с книгой в руках.

- «Здорово, парнище!» - выкрикнул Сергей стихотворную строку.

- «Ступай себе мимо!» - в тон ему ответил Виктор.

- «Уж больно ты грозен, как я погляжу!..» Виктор, и чего ты лежишь голый, как запорожец за Дунаем?

Они рассмеялись, и Сергей, удобно примостившись на бурке, заговорил о всяких пустяках, вроде того, что хорошо вот так, голышом лежать в тени, а ещё лучше — на берегу Кубани. Виктор тоже отвечал шуткой, сказав, что купаться приятно не одному, а с друзьями, а книгу читать можно и одному.

- Это что ж ты читаешь? Роман?

- Не роман, но книга увлекательная, — сказал Виктор, загибая уголок на листке. — Знакомлюсь с новыми методами монтажа крупных гидростанций.

— А я думал, что любовью интересуешься.

— Почему ты так думал?

— Да ты же охотник по этой части! — Сергей рассмеялся и ударил Виктора кулаком по голой спине. — То полюбишь, то разлюбишь!

— Знаю, о ком говоришь, — угрюмо проговорил Виктор, перелистывая книгу, — но только её я никогда не любил... Вот в чем горе.

— Тогда зачем же ты хотел ее увезти с собой?

Виктор пригладил ладонью спадавшие на лоб белые и мягкие волосы.

— Да хотел — Он задумался. — Хотел потому, что встречаться с Соней мне было приятно. Мы часто вспоминали детство, те далекие и глупые годы, когда мы ничего, кроме Усть-Невинской не знали... И все. А в сердце, Сережа, поверь, у меня ничего не

было и нет. — Виктор тяжело вздохнул и лег на живот, — И мы бы уехали вдвоем, а вот теперь... — Он не досказал и начал щипать жесткую шерсть бурки.

— Что ж теперь? Разве что случилось?

— Так... ничего особенного, а только уезжать мне не хочется.

— Вот и прекрасно! — обрадованно воскликнул Сергей. — И не уезжай. Дорогой мой, оставайся у нас, — это же просто здорово! Да и куда уезжать? Ты посмотри, Виктор, какие тут дела разворачиваются! Ты видишь — какое зарево, какой свет встает над нашей землей!

— Что-то я ничего не вижу, — с грустной улыбкой проговорил Виктор.

— Нет, ты без шуток... Мы начинаем переделывать природу, понимаешь, самую природу! Да знаешь ли, что это такое? Значит, наша жизнь выходит на самый широкий простор! А если к этому присоединить наш размах электрификации, механизацию, — да ведь это же совсем новая Кубань! - Сергей обнял друга, посмотрел ему в глаза так тепло, так ласково, будто хотел поведать ему самое сокровенное, и сказал:

- Виктор, скажи, ты веришь в то, что прекрасный завтрашний день уже виден, осязаем - вот он, перед нами!

- Сознаюсь: и не вижу, и не осязаю.

- Да как же этого не видеть! — Сергей широко развел руками. - А посмотри на наше верховье Кубани! Тут мы с тобой родились и выросли, и надо быть слепым, чтобы не видеть в какую жизнь мы вступили. Еще не так давно, именно да в Усть-Невинской, не только деда, но и отцы наши жили в темноте и невежестве; в этой же Усть-Невинской веками интересы людей были прикованы к своему двору, к своей изгороди; здесь, возле хат наших отцов извечно жил звериный закон — властвуй, разорь, уничтожай слабого и обогащайся... А что ты видишь ныне? Усть-Невинская идет в ногу с самыми передовыми городами - да кто мог об этом и подумать? А люди ее стали и сильнее и красивее... Человек стал умнее, благороднее! Разве это не то о чем я тебя спрашивал?

— Сказано очень пышно, — проговорил Виктор, - а только меня это волнует мало - ты знаешь, по природе я не романтик.

— Ну, и шут с тобой, — Сергей огорченно махнул рукой - Только обидно, Ну, пусть бы старики так рассуждали...

Виктор молчал. Сергей с грустью посмотрел на него и сказал:

— Виктор, оставайся, как друга прошу. Станешь руководить электрическим хозяйством всего района. На твоих глазах такое будет делаться, — радоваться этому надо, Витя! А условия для тебя создадим такие, какие захочешь. Дадим тебе не квартиру, а целый дом с садом! Будешь иметь дачу... Чего тебе еще! А станицы какие! Это же не станицы, а курортные места!

— Сережа, а из тебя получился бы неплохой сват, - с заметной иронией сказал Виктор. — Уж очень умеешь расхваливать. Не жизнь ты мне обещаешь, а рай земной.

— Да так оно и будет! Да если жить, скажем, в Усть-Невинской...

— Ты думаешь, что все люди на земле — перебил Виктор — влюблены в твою Усть-Невинскую... А мне здесь скучно — вот в чем беда!

— Уверяю тебя, — горячо доказывал Сергей, — скучать не будешь. Мы тут такое завернем, что вся страна нас узнает!

— Гоняться за славой, — Виктор горестно усмехнулся — не мое призвание.

— Да не в славе дело! — Сергей наклонился к другу, потрепал рукой его волосы. — Электричество — вот где сейчас нужна твоя голова...

— Электричество есть не только в Усть-Невинской.

— Знаю... Но то электричество не такое, как у нас.

— У тебя всё особенное!

— Не особенное, но миссия его здесь совсем другая — вот в чем суть!

Виктор встал, согнул сильные, с резко очерченными мускулами руки, потянулся. Поднялся и Сергей.

— Вот что, Сергей, — сказал он серьезно, — если ты мне настоящий друг — дай свою машину.

— Зачем?

— Я поеду в Родниковскую.

— А что там у тебя?

— Дай машину и ни о чем не спрашивай.

— Согласен, но только с одним условием.

— Нет, без условий... По-дружески.

По-дружески и все-таки с условием.

— Какое условие?

— Ты остаешься у нас.

— Хорошо, — Виктор задумался. — Я подумаю...

— Ну, тогда поезжай, а я побуду у Семена — дочка у него...

За Усть-Невинской уже пылал закат, и с гор тянулись мягкие тени. Быстро вечерело, и когда Сергей входил во двор отца, в саду ярким костром горели лампочки и гости уже сидели за столами.

— А! Сергей Тимофеевич! — закричал Рубцов-Емницкий. — Наконец-таки! А чего ж без машины, для ясности?!

Навстречу Сергею шел Семен и счастливо улыбался своим белесым и добрым лицом. Сергея посадили на почетное место, в середине между Семеном и Анфисой, и гулянье началось.

А в это время Виктор уже подъезжал к Родниковской и с волнением смотрел на силуэт станицы, выступавший между гор в зареве электрических огней. Чувство страха и горькой обиды охватило его. Он уже въезжал в окраинную улицу и не знал, куда ему ехать. Ванюша шофер изредка поглядывал на своего нового пассажира, как бы спрашивая, куда нужно заворачивать, а Виктор молчал; куда ехать - он и не мог бы сказать, ибо никогда здесь не был, и не знал, где живет та женщина, которую звать Татьяна — больше ему ничего не было известно о ней.

— Останови — сказал Виктор, когда они подъехали под развесистую кущу деревьев. - Я здесь пойду пешком, а ты возвращайся и скажи Тутаринову... Скажи, что я ему очень благодарен.

И Виктор пошел по незнакомой и густо затененной деревьями улице.

* * *

Сергей и сам не мог понять, почему при встречах с жителями станиц, особенно с усть-невинцами, его охватывало знакомое и очень приятное чувство радости, - такое сладкое ощущение разливалось по всему телу, что он уже не смел никому сказать даже обидного слова. Помнится, в те дни, когда он вернулся из армии, и в районе началось строительство гидростанции, ему приходилось злиться, и часто ссориться не только с Саввой Остроуховым, но даже с отцом, с Семёном, приходилось ругаться с Рубцовым-Емницким, с Артамашовым, с председателями станичных советов, и тогда он с первого взгляда узнавал в людях хорошее и плохое. Теперь же видел в них одно только хорошее и от этого на сердце у него постоянно было тепло и покойно; всюду, где бы он ни был, хотелось говорить что-нибудь только приятное, и часто к нему являлось желание широко расправить свои молодые и сильные руки и обнять ими всех своих близких и знакомых.

Однажды Сергей поделился этими мыслями с Кондратьевым. Тот выслушал молча, долго хмурился и что-то чертил на листе бумаги; по лицу было видно — не одобряет.

- Любить, уважать людей – качество весьма ценное, - сказал Кондратьев, продолжая водить карандашом по бумаге, - но мне думается, что чрезмерные радости тебя ослепляют. Вот в чём беда!

- Беды не вижу, - с обидой в голосе возразил Сергей. – Золотой у нас народ, Николай Петрович! Как же тут не радоваться!

- И народ у нас золотой, и радоваться можно, да только не следует терять головы.

- Тебя понять невозможно. Ну, почему ты такой... - Сергей смущённо склонил голову и умолк.

- Какой? Ну, досказывай!

- Почему ты такой... Чёрствый? Кругом столько радостного...

- Покамест не вижу причин для излишнего восторга, - с чуть приметной улыбкой на губах сказал Кондратьев.

- Да ты же сам писал в ЦК, помнишь, ещё в прошлом году, - волнуясь, говорил Сергей. – Как ты тогда красиво описал и Рагулина, и Несмашную, и Коломойцеву...

- Безусловно, люди у нас хорошие. – Кондратьев приветливо и строго, как отец на любимого, но непокорного сына, посмотрел на Сергея. – Только о каждом человеке нужно иметь своё мнение, необходимо видеть его не в общей массе, и чем строже будет о нём суждение, тем большую пользу оно ему принесёт. Тут, Серёжа, нельзя валить всех в одну кучу – легко впасть в ошибку.

Разговор кончился ничем, и Сергей ушёл, так и не поняв Кондратьева... И вот в освещённом саду, когда его посадили за стол и подали полную кружку вина, когда на него смотрели радостные лица отца и матери, когда во взглядах знакомых ему усть-невинцев он читал уважение к себе, на ум вдруг пришли слова: «Тут, Серёжа, нельзя валить всех в одну кучу – легко впасть в ошибку...» А его уже обнимал Артамашов и говорил: «Пей до дна, пей, боевая ты наша гордость». Сергей держал в руке стакан с вином, снова то же знакомое чувство охватило его, и ему захотелось произнести речь.

— Дорогие мои соотечественники! — начал он торжественно. — Знаете ли вы, что такое радость жизни!

— Bravo, Сережа! Bravo! — кричал Рубцов-Емницкий. — Именно, для ясности, радость жизни!

— Тише! Не перебивай! — строго сказал Артамашов. — Дайте высказаться нашему уважаемому Сергею Тимофеевичу.

Все умолкли, и только одна Васютка, лежавшая в одеяле у Анфисы на руках, нарушала тишину своим звонким голосом. Вскоре и она утихла, как бы прислушиваясь к тому, что там о ней скажет ее дядюшка. А Сергей и в самом деле начал с того, что поздравил сестру с новорожденной, похвалил племянницу, сказав, что Васютку ожидает большая и интересная жизнь, а затем обратился к гостям. Речь его была необычайно красочна, слова сами по себе подбирались простые и доходчивые, и ему казалось, что еще никогда его мысли не текли так свободно и легко. Он говорил не столько о настоящем, сколько о будущем верховья Кубани, и перед гостями открывалась заманчивая даль, где-то там, по отлогой ложбине, в новом очертании рисовались поля и станицы, а в центре их — Усть-Невинская с ее садами и высокими домами, с широкими улицами и тротуарами в буйной зелени; где-то там, на берегах реки, угадывались контуры новой жизни — неизведанной и манящей.

— И в эту жизнь, — в заключение сказал Сергей, — мы войдем не как гости, а как ее создатели и законные хозяева. Выпьем же за радость нашей жизни настоящей и будущей!

Все выпили, и баянист заиграл туш.

— Хорошая жизнь — оно само собой, — ни к кому не обращаясь, проговорил дед Евсей. — Оно ежели и нам с Параськой поселиться в коммунизме...

— Помолчи, старый, — перебила бабка Параська. — Все одно мы с тобой не доживем.

— Сергей Тимофеевич, — отозвался Рагулин, — на словах картина получается даже радостная... Но только все это в будущем — к тому идем. А вот в настоящем, чем мы будем хлеб убирать? Чем станем молотилки крутить? Вот меня какая жизнь более всего беспокоит...

— Электричеством! — ответил за Сергея Савва Остроухов.

— А где же оно, твое электричество?

— Та над вашей головой!

— Или вы, Стефан Петрович, ослепли?

— Сад осветить и дурак сможет, — сердито сказал Рагулин, покаясь на Прохора.
— А в степи что делается?

— Стефан Петрович, — заговорил Сергей. — Чего вы так волнуетесь? Вы на свои тока подвели линию?

- Подвёл, а какой из этого будет толк — неизвестно... В МТС просил локомотив подбросить на всякий случай, а мне его не дали... Директор — за, а главный механик — против. Действуй, говорят, электричеством. А что может получиться: электричество застопорит, не потянет — это тебе не в саду зарево делать. Нужно локомотив держать наготове, а его нету... А у соседей какая картина? Нету ни линии, ни локомотивов. — Рагулин горестно усмехнулся. — Какая, я вижу, в настоящем даже весёлая ожидается жизнь!

Рагулин даже встал, очевидно хотел что-то сказать, но ему не дали и вымолвить слово. Поднялся галдёж, недовольные возгласы. Подошел Артамашов, уже здорово подвыпивший, с весёлыми, блестящими глазами.

- Стефан Петрович, чертяка старый! — обнимая Рагулина, воскликнул он ласково. — И чего ты всегда бунтуешь? Или ты находишься на заседании правления? Пей и гуляй! Сергей Тимофеевич правильно говорит — к коммунизму нужно итти с весёлой душой.

- Гляди, Алексей, как бы плакать тебе не пришлось, — сказал Рагулин, резко отстраняя руки Артамашова. — Тебя только допусти в коммунизм — в один миг всё разматаеть... Эх, ты, весёлая душа!

- Я-то всюду проживу! — со смехом отвечал Артамашов. — А вот тебе, Стефан Петрович, со своей жадностью в коммунизме совсем делать нечего.

Артамашов быстрым шагом пошёл к гармонисту, а за столами заговорили все сразу. Рубцов-Емницкий, наклонясь к Тимофею Ильичу, говорил:

Тимофей Ильич, люблю вашего сына! И до чего ж умную речь сказал. Верите, Тимофей Ильич, я уже веес в этой жизни!

- Эх, Лев Ильич, - угрюмо проговорил старик, - горько там тебе придётся.

- Почему вы такого мнения?

- Торговать там не сможешь... Честности не хватит.

— Смогу, - уверенно заявил Рубцов-Емницкий.

— Говорят, что горбатого могила исправит...

— Так я же, для ясности, быстро пепестроюсь, - с умиленной улыбкой на пухлом лице проговорил Рубцов-Емницкий.

— Перестройка, как я понимаю, не поможет...

Тем временем Артамашов увел гармониста за ворота, куда ушла молодежь, быстро образовав круг, — начались танцы. Анфиса отнесла в хату Васютку, позвала Семёна и они ушли к хороводу. Рагулин, всё время сидевший молча, сухо попрощался и ушёл с женой домой.

Постепенно столы пустели. Сергей силел один, о чем-то думая. К нему подошла Ниловна.

— Сыночек, у нас заночуешь? - спросила она ласково.

- Нет, мамо, поеду к Ирине на гидростанцию, а тогда домой.

- Ну, поезжай, поезжай, — соглашалась Ниловна, глядя на сына влажными глазами. — Поезжай, а то мы веселимся, а она, бедняжка, там одна...

— Ты хоть с батькой побалакай, посоветуйся, — сказал Тимофей Ильич. — Или уже так подрос, что и батько не нужен?

— А вы, батя, все такой же, — сказал Сергей, вставая. Ну, пойдёмте к хате, посидим.

Они сели на лавку, на том самом месте, где они не раз сидели. Тимофей Ильич вынул кисет, предложил сыну. Сергей отказался и угостил отца папиросой. Тимофей Ильич прикурил, пустил в нос дым и сказал:

— Трава, а не табак.

Они курили молча, и это молчание для обоих было тягостным.

— Оно ты правду сказал, — заговорил Тимофей Ильич, — я какой был, такой уже и до смерти останусь... А тебя, сынок, я что-то не узнаю... Переменился.

— Редко мы, батя, видимся.

— Не то, сынок, не то.

— А что же?

— Какойся ты стал дюже радостный да говорливый, а мне это не по душе, — сказал Тимофей Ильич, беря сына за руку. — Только ты меня не перебивай... Не люблю, когда ты мне суперечишь... Смотрю я на тебя и не могу понять: чего ты завсегда такой весёлый? Или ты своей молодой женой не можешь нарадоваться? Так ты ею радуйся ночью, а днем дело знай, да и с людьми обходись поостроже...

- Вы это о чем, батя?

- А о том, самом... Слыхал, что тебе сказал Рагулин? Природу вздумал изменить, людям о коммунизме говоришь, райскую жизнь обещаешь — складно это у тебя получается... А хлеб убирать чем будешь? На кого надеешься? На тот домик, что стоит возле Кубани? Ни к чертовой матери не годится твой домик! Строили, строили, капиталы вкладывали, думали облегчение придет, а что получилось? Семен сказывает — днем-то машина впустую гудит, а ночью, вишь, Прохор понацеплял по веткам лампочек. Красиво и светло — комар летит и ему видно, кого сподручнее укусить... А мы что же, для этих комаров трудились, сил не жалели, капитал вкладывали. На столбах тоже лампочки горят, улицы сияют — вид веселый, и парубкам светло девок обнимать... А в поле что делается? Один Рагулин провода потянул, а в других колхозах сало жарят на плитках да курей обсмаливают — выгода бабам большая... Эх, ты, управитель района! Тут не радоваться нужно, а плакать. А ты подпрыгиваешь да сладкими речами людей кормишь. Самому надо рукава засучивать, да и станичников к тому звать. — Тут старик даже усмехнулся. — А то что же это получается? Речи твои дюже по вкусу и Артамашову и Рубцову-Емницкому. Ишь, какие быстрые! Уже собрались в коммунизм, как до тещи в гости — на легкую жизнь!

Сергей низко склонил голову, жадно курил и молчал.

— Не в них суть, — тихо проговорил он, не подымая голову.

— А в ком же?

— Да что вам пояснять! — Сергей горестно махнул рукой и встал. — Все равно вы меня не поймете... Я, батя, иду своей дорогой...

— Ох, гляди, как бы ты не споткнулся.

— И чего вы уже спорите? — спросила подошедшая Ниловна. — Как сойдутся — так и поссорятся... — Старуха обратилась к Сергею. — Сережа, может, тебе принести молочка или сметанки?

— Ничего мне не нужно, — грустно проговорил Сергей. — Я сейчас уеду.

— Так ты хоть Ирине повези, — Ниловна побежала в хату и уже на пороге сказала: — Зараз я ей приготовлю.

Сергей ничего не ответил и молча пошел к машине.